

АНТОН СИБИРЯКОВ

РЕЗЕРВАЦИЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

АНТОН СИБИРЯКОВ

Резервация

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сибиряков А.

Резервация / А. Сибиряков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Резервация – это экспериментальный литературный сериал в жанре жесткого криминального триллера (18+). Включает 7 эпизодов и эпилог. Недалекое альтернативное будущее. Объединенная Европа процветает. Лишь на востоке, отгороженная стеной, находится закрытая резервация – огромная территория бывших Соединенных Республик, ныне обращенных в руины гражданской войной и песчаными бурями. В центре сюжета двое полицейских из Европы, отправленных в резервацию на поиски того, кого нужно вытащить за периметр любой ценой. Даже если этот человек давным-давно мертв. Содержит нецензурную брань.

Обжигающая враждебная пустота. Пролог

Заляпанный сажей мальчишка лет десяти, худой, как проволочный человечек, спустился по груде битого камня к выбитому окну подвала. В вылинявшей майке и шортах, в сандалиях на босу ногу, он поднимал вокруг себя облачка бетонной пыли, оседавшей на загорелой коже. На улице стоял жаркий летний день – в густом воздухе, будто океанские течения, плыли запахи и звуки квартала. Со стороны птичьего рынка несло куриным пометом, из-за ближайших барачков – вываренным бараньим мясом, а где-то за сгоревшей лавкой булочника лаяла бездомная овчарка Найда – любимица местной детворы. Лаяла непрерывно, заходясь кашлем, так, как она лаяла только на чужих, незнакомых людей.

– Майк! – крикнул мальчишка пустому, выломанному окну, прижимая к груди ржавый гвоздодер. – Майк, ты там?!

Осколки камней закрипели под ногами, и мальчишка чуть было не покатился вниз, чудом уцепившись за кусок арматуры.

– Майк?! – На секунду в темноте оконного проема мелькнуло мальчишечье лицо – выгоревшие на солнце брови, острые скулы, вздернутый нос. Мелькнуло еще раз, как картинка на допотопных ламповых телевизорах, и наконец, появилось окончательно. – Что ты нашел?

Мальчишки были похожи – одного возраста, загорелые, стриженные под машинку, они бы запросто сошли за близнецов. Как и остальные дети гетто. Чумадые, худые, коротко стриженные во избежание вшей, донашивающие чужие обноски, только к юношеству они начинали обретать отличительные черты в виде шрамов, выбитых зубов и татуировок. Спарта нового времени. Это место было обрывом, с которого бросали слабых.

– Чего она лаёт? – Майк кивнул в сторону сгоревшей булочной. – Кого-то видел?

– Не знаю... нет, никого... Что ты нашел?!

– Ящики. Там куча ящиков... Лом притащил?

– Вот, – мальчишка протянул ржавый гвоздодер. – Отцовский.

– Сойдет. Пошли.

Здание, в подвале которого Майк нашел деревянные ящики, было тяжелым, как взгляды тех, кто некогда в нем заседал. И глядело оно точно так же – седыми глазами из-под кустистых бровей. Горком с покосившейся глыбой серпа и молота у входа. Памятник пшеничным колосьям, возвращенным на человеческой крови.

Внизу воняло чем-то скисшим. Было прохладно и сыро. Грязь на полу напоминала студень из холодильника – забивалась в сандалии и хлопала. Когда Майк спустился сюда в первый раз, ему показалось, будто он попал в другой мир. В темный желудок кита ушедшего на глубину. И сейчас он чувствовал вновь, как его переваривает эта тьма. Единственное, что успокаивало – лай овчарки Найды, доносившийся сверху. Он был путеводной нитью. Возможностью вернуться обратно в мир желтого песка и душных улиц.

Когда темнота стала невыносимой, Майк достал из кармана бензиновую зажигалку. Ее он выменял у Салли – беззубой китайки, живущей через дорогу. Салли-ломбард – так ее звали на улице. Если тебе понадобится что-то – иди к Салли. Об этом знала вся шпана песчаного квартала.

Зажигалка была потертой. Со звездой и иероглифами. Китайская, но горела исправно.

– Далеко еще?

– Нет, – прошептал Майк, боясь, что кто-нибудь их услышит. – Там, в стене, – он вытянул руку с зажигалкой вперед. Перед ними оголился темный провал в кирпичной кладке.

Эту стену достраивали позже. И наспех. В итоге от вечной сырости раствор поплыл, и часть стены ввалилась внутрь, как рот египетской мумии.

– Что это за место?

– Тайник.

О тайниках в гетто ходили легенды. Рассказывали, что когда-то, еще до песчаных бурь, в тайниках партия прятала золото. Тысячи слитков, вывезенных из хранилищ в ящиках, похожих на гробы. Революция для власти всегда пахнет весной. Предчувствие перемен – анорексия бумажников, затягивание поясов. Они думали ничего не будет – надышатся, перебесятся. И уползут обратно, в свои узенькие квартирки. К ржавым кранам, к засаленным плитам. Доживать. Но все случилось не так. И не стало ничего, кроме песка. А золото в тайниках превратилось в легенду.

– Пойдем, – позвал Майк.

Он шагнул в пролом первым. Пламя зажигалки затрепетало в руке, тьма, царившая внутри, навалилась на свет, сжала его в крохотную трепещущую точку.

Как-то мальчишки видели, как билась в агонии бабочка, облепленная пожиравшими ее муравьями. Она тускнела, как этот свет.

Тайник был подтоплен. Вода стояла по щиколотку – темная холодная бездна под ногами.

– Держи, – Майк отдал зажигалку другу.

Ящики стояли у дальней стены. Сбитый из грубых досок конструктор – в несколько рядов. Нижние – набухшие от воды, с разъявленными ртами, выплеснувшие из себя затхлую рвоту мертвецы. А на них живые – крепкие, на каждую доску по четыре гвоздя. Как те, из горкома – ботинками по головам, лишь бы не промокнуть.

Майк сунул гвоздодер между крепких досок. Навалился так, что заломило плечи. Гвозди вышли туго, со скрипом, а из дыры вместо золота выскользнула белая рука. Тонкая, костлявая, и повисла пальцами к воде.

Мальчишки отскочили назад.

– Вот дерьмо!

Света больше не было. Он растаял, как бабочка в муравьиной черноте.

– Ты уронил зажигалку, блядь!

– Прости, я...это...там...

Майк слышал, как руки друга беспомощно шарили под водой.

– Тсс... – Майк прислушался. Пока они были здесь, снаружи что-то изменилось. Стало другим.

– Надо убираться отсюда...

– Тихо ты!..

Найда больше не лаяла. Вот что было не так. Мальчишки замерли, вслушиваясь в тишину. Один с гвоздодером в руках и другой, где-то там, внизу, на коленях, по пояс в ледяной воде.

Тайник оказался склепом. А ящики с золотом – гробами. Нужно было немедленно убираться прочь – из этой муравьиной темноты. Наверх, туда, в раскаленную духовку летнего дня. Румяниться, запекаться дальше в этой песчаной пыли. И Майк было дернулся, но его ухватили за ногу мокрые пальцы. И он бы закричал, но горло ссохлось, слиплось, как старая резиновая грелка. Он испугался, что его схватила та бледная рука из ящика.

Но это был всего-навсего его друг.

– Тихо. Не шевелись. Там кто-то есть...

Они слышали, как сыплются камни, так, как они сыпались, когда мальчишки сами спускались в подвал. Это был тот, кого учуяла овчарка Найда, лаявшая без умолку последние полчаса. И этот кто-то шел к ним.

Майк стоял напротив пролома – ему нужно было только поднять глаза. Но он боялся. Как боялся отвечать у доски – мялся, упершись взглядом в пол. И только когда его друг черной каракатицей прополз на четвереньках к раздавленным ящикам, только тогда. Он осмелился посмотреть.

Выломанное окно подвала светилось, как прожектор. И в этом свете, на груди битого шлака, стояла громадная фигура. В руке она сжимала обмякший шерстяной мешок – полуживую овчарку Найду, раздувавшую бока тяжелым дыханием. Фигура швырнула собаку на пол – сильно, так, что псина взвизгнула, а ее тело протащило по грязи.

Руки Майка онемели, и он выронил гвоздодер – звонко, со всплеском воды. И тут же ему в лицо ударил слепящий свет фонаря. Нужно было бежать. И он побежал. Прочь из муравьиного склепа, ослепленный, напуганный зверь. В надежде прорваться сквозь силки и капканы. Луч фонаря заметался по подвалу, и спустя мгновение сильная рука схватила Майка за горло. Впиалась пальцами, сжала, ломая кадык, и он почувствовал, как рвется кожа, а кровь теплом расплзается по груди. Его не душили – ему разрывали горло. А потом швырнули к овчарке в грязь – булькающего кровавыми пузырями. И он ухватился за нее – еще теплую, еще живую. Пытаясь ползти. Но свет фонаря вернулся – и Майка потащили за ноги обратно в пролом к деревянным гробам.

1

Спустя 25 лет

– Я ведь вырос здесь, – задумчиво сказал Гай, глядя в окно. Он вел машину медленно, всматриваясь в пыльный сухой мир. По ту сторону стекла, увязшие в песке, проплывали развалины панельных высоток. – В сраной резервации. Знаешь, что это такое? Зоопарк! Раньше мажоры из Голдтауна притаскивались сюда целыми семьями, на бронированных автобусах, поглазеть, как мы убиваем и грабим друг друга. Туристы, бля... – Он немного помолчал. – Помню, был случай – экскурсионный автобус позабыл одну такую туристку, и она попыталась добраться до КПП пешком – после эксперты установили, что ее насильовали семеро. Перед тем, как отпилить ей голову. И четверо – после. Но вместо того, чтобы испугаться, эти вонючие толстосумы принялись ездить на место ее казни. Искать отпиленную голову. Ты сечешь, блин? Охуеть...

Антон не ответил. В салоне старого прокуренного седана было душно, и он раздумывал, как скоро их занесет песком, если приспустить боковое стекло. А еще он думал, что именно так и живут слепые – среди обжигающей враждебной пустоты.

– Здесь ничего нет, – произнес он, наконец. – Только песок.

– А вот тут ты не прав, напарник, – ответил Гай. Он навалился на руль, пытаясь протащить седан под накренившимися столбами электропередач. Свисающие до земли провода заскользили по лобовику, как щупальца. – В этом месте живут чудовища. Настоящие чудовища, каких тебе еще не доводилось видеть.

Антон пожал плечами. Они работали в паре с Гаем четвертый год, но так до конца и не притерлись друг к другу. Гаю было сорок с небольшим – жена, пара детишек, дом в кредит – но Антону чудилось, что внутри у его напарника ворочаются змеи. В нем текла индийская кровь, та, что плохо пахла под палящим солнцем обновленной Европы. С детства Антона учили, что дурная кровь рано или поздно выкинет какой-нибудь фортель. И он знал, что в такой компании постоянно нужно быть начеку. Ведь настоящие напарники ходят друг к другу в гости, ужинают вместе с семьями, а после пьют пиво на веранде. За четыре года Антон ни разу не пригласил Гаю к себе на ужин. Его жену – индуску с пирсингом на лице и татуированными лодыжками, и двоих смуглых ребятишек с хлюпающими носами. Антон никогда их не видел, но представлял именно такими – аляповатыми, шумными, дикими.

– Чудовища, – повторил Гай, кивнув собственной правоте. – Иногда я думаю, что резервация – это королева-мать, которая плодит чудовищ. Выебаная пузатая сука, которой не терпится все здесь измазать кровью...

Чудовища. Подумал Антон. Мы выросли, и им стало тесно под нашими кроватями. Они выбрались и теперь живут здесь, среди людей...

Он посмотрел на заляпанную руками мигалку, втиснутую в самый угол лобового стекла. Синий светодиодный маяк на витом шнуре. То, что вряд ли отгонит чудовищ.

В детстве, – подумал Антон, – чудовища боялись света. Стоило только зажечь ночник, как они исчезали – прятались в шкафах и под кроватями. Теперь они не боятся... – он открыл бардачок и сунул туда мигалку. – Потому что мы сами не верим в этот свет.

– Все равно поймут, что мы легавые, – сказал Гай, не отвлекаясь от дороги. – Кто еще поперется в такую дыру по собственной воле?

Антон не слушал. За окнами облезлый и заржавелый утопал в песке поверженный колосс – завалившийся набок памятник – серп и молот в обрамлении пшеничных колосьев.

– Что здесь случилось?

Гай пожал плечами.

– bugee jagah (говорит на хинди «плохое место»).

– И что это значит?

Гай не ответил. Только прибавил ходу. Он обещал Мирре быть к ужину, а лишние вопросы могли их задержать. Рис с кукурузой, рыба и бутылка вина. Они поужинают, уложат детей и займутся любовью в душе. Гай не собирался лишаться этого. И разбитая дорога не помешала бы ему так, как чертовы вопросы напарника.

Над капотом взметнулись фонтаны песка – Седан нырнул носом, и их накрыло с головой. От удара машина вильнула, и Антон вцепился в ручку над дверцей.

– Потише, эй! Хочешь здесь застрять?!

Гай сбавил обороты. Сквозь засыпанный лобовик пробивалось солнце. Он включил дворники.

– Спокойно, напарник.

Антон оглянулся. Они только что протаранили глыбу спекшегося песка. И теперь со скрежетом тащили куски под днищем.

Он расстегнул ворот форменной рубахи и накинул ремень безопасности.

– Блядь, Гай! Какого хера ты творишь?!

Рис с кукурузой, рыба и бутылка вина. Они допросят свидетелей, дождутся труповозку и вернутся домой до темноты.

Гай подмигнул. Все будет хорошо.

В зеркалах заднего вида маячил памятник пшеничным колосьям. Бурое от ржавчины перекрестие серпа и молота. А по сторонам тянулись развалины домов песчаного квартала. Теперь они казались надгробиями, за которыми давно не было присмотра.

Время – это то, в чем вязнешь. Барахтаешься. Но не можешь выбраться. И не можешь вытащить дорогих тебе людей. Время – это обжигающая враждебная пустота.

Гай открыл бардачок и вытащил пачку «Пелл Мелла». Закусил фильтр.

– Как думаешь, что он тут делал?

– Кто?

– Конь в пальто, – Гай выудил из пиджака затертую бензиновую зажигалку и принялся чиркать колесиком. – Наш труп.

Он зажег вонючий «Пелл Мелл». Втянулся, закашлялся. Антон знал, что жена запрещала ему курить. В бардачке вечно валялись мятные конфеты – ими Гай душил табачный чад, когда возвращался со смены.

Антон перегнул через спинку – на заднем сидении лежала плетеная папка с документами. Он развязал шнуровку и достал бумаги. Темные, похожие на дешевые ксерокопии, листы.

– Кёниг. Лев, – прочитал Антон. Прилагаемый скан фотографии был нечетким и закопченным. Человек преклонных лет с залысинами и мешками под глазами смотрел сурово из-под кустистых бровей.

Гай заглянул в бумаги.

– Кто он?

– Владелец «Королевских пивоварен». Заседал в парламенте. Лев Кёниг, потомок знатного дворянского рода...поэтому общение с прессой нам не рекомендовано.

– Старый хрыч! – Гай перехватил бумаги той же рукой, что держал сигарету. – Они нам не рекомендуют! – он сунул сигарету в рот и, прищурившись, осмотрел фотографию. – Не думаю, что этот был тут с проверкой качества жизни. Не та рожа...я таких повидал.

Гай был хорошим копом. Достойным кобуры и значка. Проблема состояла в том, что слушал он только себя. Как будто был гребаным Буддой, вещающим истину. Именно поэтому Гай до сих пор бегал по улицам со стволом, рискуя нарваться на пулю. И говорил, что ему не дают повышения, потому что он индус. Раз за разом. Крутился в собственной Сансаре.

Но сейчас он был прав.

– Нужно поговорить с родственниками. Возможно, с них требовали выкуп, – предположил Антон.

– Ты серьезно думаешь, что старика вывезли сюда в багажнике? Через все блокпосты? – Гай бросил бумаги к лобовому стеклу. – Херня это.

Дорога была одна, а посты начинались за несколько миль. Проверяли все – документы, госномера, досматривали и взвешивали багаж. Проскользнуть было нелегко. А с пленным стариком – и подавно. Резервацию считали разносчицей инфекций. Не только бедности, но и террора.

– Тогда что он тут делал?

– В том квартале есть несколько борделей. Местные называют их «Вавилонами». Возможно, старик был их клиентом.

Антон хмыкнул.

– Что-то я сомневаюсь...с его-то деньгами...

Гай промолчал. Выпустил дым из носа и вдавил окурок в пепельницу. Они въезжали в жилые кварталы гетто. Разговоры про бордели пора было сворачивать. Иначе все это грозило перерасти в сраную заваруху, из которой им было не выбраться. Сейчас в своем старом полицейском седане – они были как на ладони. Люди уже глазели, а бритая пацанва целилась из деревянных автоматов.

Вавилоны были борделями на колесах. Эткими шапито, переезжавшими с места на место. Они не оставляли следов. Поэтому в Европе их считали выдумкой.

Тот район, где они курсировали, принадлежал «Чистым» – партии ультраправых борцов за чистоту резервации. В газетах их звали «дворниками». И сепаратистами.

«Шлюхи – всего лишь прикрытие. Настоящий Вавилон страшнее...» – так когда-то Гаю сказал отец. Они сидели на веранде отцовского дома с пивом и глазели на закат. Все вокруг было алым. И они тоже.

«Raakshas(хинди «чудовища»), – произнес отец. – Эти люди поклоняются чудовищам, Гай. Несут им своих детей...»

«Это всего лишь выдумки, пап...»

Гай помнил, как отец схватил его за плечо, смяв рукав форменной рубахи.

«Пообещай мне, что ты остановишь их, Гай. Пообещай мне...»

Дурацкие воспоминания. Когда становится жарко, память тащит клещами из черепа кривые гвозди. Пытается напомнить о долгах перед мертвецами.

Антон смотрел по сторонам. От песка все вокруг казалось желтым. Пятиэтажные дома с темными окнами, детские площадки с железными вертушками и качелями, лотки полные

хлама. И сами люди – ожившие песчаные фигуры, которых словно сотворила буря. Это место казалось сном – душным и липким. И хотелось проснуться.

На стене одного из домов Антон заметил надпись, сделанную баллоном.

«12.09 – больше не стадо»

Двенадцатого сентября Соединенные Республики перестали существовать. Через месяц после этого начались песчаные бури...

В лобовик прилетел камень, и Антон подпрыгнул от неожиданности.

– Что за блядь?! – Гай резко ударил по тормозам и их болтнуло. – Вон он, сучонок!

От них со всех ног улепетывал чернокожий мальчишка лет одиннадцати – его белые пятки сверкали среди песка, как молнии.

Дальше по улице, у скособоченного киоска с надписью «ПИВО» кучковались люди. Странное темное пятно посреди режущей глаз желтизны. Мальчишка нырнул в эту темноту, и спустя минуту от нее отделилось несколько смуглых парней. Антон достал жетон и приложил к стеклу. Парни остановились. Гай дернул передачу, и седан заскрипел по песку.

– Сверкает, – Гай кивнул на полицейский жетон, – тут это их еще остановит. Дальше им будет насрать.

Антон посмотрел в зеркало заднего вида – парни стояли все там же. Их взгляды были как пули – летели им вслед.

– Думаю, они знают, – сказал он.

– Знают? – переспросил Гай. – Да бог ты мой, о чем?

– О последствиях.

Гай только фыркнул в ответ. И уставился на дорогу. Она была похожа на раскрывшуюся воронку миноги – дыру с рядами тонких клыков. И их уносило все дальше, засасывало в эту зубастую пасть.

Чудовища, подумал Антон, убирая в нагрудный карман полицейский значок. Рубаха намочла – прилипла к спине. Он потянулся к рации, втиснутой между бардачком и нерабочей кассетной магнитолой. Рация была древней – на витом шнуре, в пластиковом коробе у которого был отколот край. Антон снял ее и притянул к себе.

– Диспетчер, это Радваньски.

Ему ответил приглушенный помехами женский голос.

– Диспетчер на связи. Что у вас случилось, Радваньски?

– На сколько заказана труповозка в гетто?

– Выезд бригады назначен на пять часов.

– Спасибо, диспетчер.

Антон сунул рацию обратно в держатель.

– Просто хотел убедиться, – сказал он, поправив кобуру. В обычной полицейской рутине ее называли подтяжками, и старались не надевать. Но никто из копов не совался в гетто без тяжелого револьвера подмышкой.

Гай заметил это и кивнул. Как тогда, два года назад, когда они приехали допросить свидетеля, а наткнулись на членов наркокартеля. И вместо признаний с порога получили выстрел из дробовика. Дверь разлетелась в щепки, ее вынесло, сорвав с петель. Не было никаких колебаний – револьвер Антона полыхнул, и толстяку с ружьем разворотило полбашки. Уже после, когда все закончилось, Гай кивнул напарнику. Ведь второй выстрел дробовика предназначался им.

Может быть, им и не удалось притереться друг к другу за годы службы, но одно Гай знал точно. Его напарник не станет колебаться.

Они проехали еще квартал и за поворотом наткнулись на броню миротворцев. Башенное орудие было опущено к земле, а сами Комуфляжи сидели на броне, с задранными на лоб масками и обедали. Вся земля вокруг была усеяна бумажными пакетами от картошки фри и

гамбургеров. Заметив машину с полицейскими номерами, один из миротворцев спрыгнул с брони и махнул рукой, чтобы Гай притормозил.

– Этих еще не хватало, – прошипел Гай, приспуская стекло.

На улице было пустынно. И Антону это не понравилось.

Камуфляж подошел к ним – рослый дядька под два метра, небритый, с квадратной челюстью – и нагнулся к окошку. Его руки в перчатках с обрезанными пальцами покоились на автомате, висящем поперек груди.

– Полицейские? – прищурил глаз, спросил он.

– Ну, – ответил Гай.

– Удостоверение. План маршрута. Цель визита.

Гай ткнул ему в грудь ворох бумаг. Достал значок. Но отдавать не стал.

Камуфляж бегло просмотрел бумаги.

– Знаете, что в том квартале сепаратисты?

– Знаем.

Миротворец поглядел на Антона.

– Документы.

Нехотя Антон вынул значок.

– Ваш патрон от вас без ума, раз отправил в такое путешествие, м? – камуфляж улыбнулся. У него не было половины зубов.

– Жениться хочет, – сказал Гай и беззубый захохотал. Сунул бумаги обратно в окно.

– Важная рыба? Этот жмур, за которым вы едете?

– Важная.

– Ну-ну... – беззубый оглянулся на своих. Они наблюдали, потягивая колу из бумажных стаканов с трубочкой. – Удачи.

Гай поднял стекло и переключил ручку скоростей. Седан покатил по песку.

– Странные, – заключил Антон, оглянувшись. Камуфляж, что с ними разговаривал, уже запрыгнул обратно на броню.

– Детьми мы их боялись, – ответил Гай, – они ходили в масках – а на масках были рисунки... ну, эти черепа... знаешь, как это бывает... детям только дай повод...

– Представляю...

Он не представлял. Страх – это личное.

Они помолчали.

Солнце встало в зените – размытое, раскаленное пятно. Злое, оно без пощады жгло этот странный край песка и пыли. Тени здесь были похожи на сгоревшие спички, которыми забавлялся озорной малыш. Все вокруг было усеяно ими – черными, скрюченными угольками.

Антон покрутил ручку, опустив стекло. Но снаружи воздух был таким же вязким, как и внутри.

Дома, что тянулись по обе стороны дороги, были разрушены. Все здесь казалось пропущенным через мясорубку.

– В этой части города шли бои, – сказал Гай. Он снова курил. – Миротворцев отсюда выдавили. Вон, смотри...

За окнами, по правую сторону дороги, чернел выгоревший остов вертолета. Раздавленный, обглоданный пламенем скелет – все, что осталось от хваленного ударника Альянса. Переплетение стальных нитей. А внутри – что-то обугленное. И страшное.

– Теперь будь внимательнее, напарник. Дальше начинается территория «Чистых», – посоветовал Гай.

Дорога уходила вниз – ныряла под одеяло песчаных дюн. В черный туннель, с облупленной аркой и сколотыми буквами «Слава С.Р.». Кротовая нора в прошлое, на другом конце которой чумные поля пшеницы, гниющие от крови и слез.

Песка не стало меньше. А на входе их никто не встречал.

Седан вполз в темноту, и Гай включил фары. Тоннель оказался узким и холодным. Пустым, как советская морозилка. И пах он точно так же – затхло, кровью и мороженым мясом.

Антон поднял стекло. Ему не хотелось, чтобы запах туннеля остался здесь, когда они выберутся. Он посмотрел вперед – там маячил кружок дневного света.

– Этот туннель горел, – сказал Гай. – Набитый машинами, – он сильно затянулся сигаретой. – И людьми... Ты представляешь этот пиздец?

Пробка в обе стороны. Клубы черного дыма, валящие из туннеля. А внутри раскаленный клубок из металла и человеческих тел.

Да. Он мог себе это представить.

– Кто-то поджог их. Всех этих людей.

Антон видел, как сильно Гай тянул сигарету – уголек ярко вспыхивал у его рта.

– У отца в тот день была смена, – продолжил он, – но они опоздали – приехали на пепелище. Пожарники – им пришлось вытаскивать обугленные трупы. Блядская работенка... Я помню, отец рассказывал, как брал их за руки, а те отламывались, рассыпались в труху. И тогда он начал складывать их в мешки прямо там – в туннеле. Чтобы не растерять, не перепутать их...

Гай говорил, а изо рта его шел дым. Будто слова его горели.

– Господи, – прошептал Антон.

Гай докурил и вмял окурочек в пепельницу.

– Знаешь, что отец мне сказал? – он передернул ручку скоростей и седан рванул к выходу, – Что есть места, которые не отпускают.

– Ты веришь в это? – спросил Антон.

Тоннель закончился. Перед ними лежал жаркий летний день. Такой же обжигающий и одноцветный, как тот, что они оставили позади.

– Посмотри на них, – Гай кивнул на толстую женщину в цветастом платье, застывшую с тазом белья. Возле нее копошился выводок детей – худых пищащих цыплят, игравших в догонялки. – Они живы, пока они здесь. Живы, потому что не были в том гребанном туннеле. Да, я верю в это, напарник. Есть места, которые крепко держат твой ебанный зад.

Обжигающая враждебная пустота, – подумал Антон. Но не сказал ни слова.

Вокруг, как ржавая карусель, вертелся убогий мир – желтые, искусанные песчаными бурями панельки, пустые дворы. Кучки людей у пивных ларьков. Стаи дворняг там же – вылинявшие, с торчащими ребрами, похожие на старые вехотки. А надо всем этим – раскаленное небо. Такое же желтое, как пыль под ногами.

Впереди дорога была завалена полипропиленовыми мешками с песком. Их навалили в несколько рядов, друг на друга, а оставшийся узкий проезд передавили шлагбаумом. У шлагбаума дежурили вооруженные люди в военной форме без нашивок. Слева, над грудой мешков, задранный вверх, возвышался ствол противотанковой винтовки.

Гай посмотрел на молчащего напарника.

– Пост, – пояснил он коротко. – Чистые.

Длинный ствол винтовки медленно опустился, нацелившись в лобовик седана.

–Твою ж мать!

Гай ударил по тормозам.

– Без резких движений, – предупредил он Антона.

К ним уже направлялись двое с автоматами. Только сейчас Антон заметил, что на лицах их полумаски из бандан. У одного на бандане красовались белые черепа. Он подошел первым и нагнулся к окошку Гая. Стянул повязку – его лицо было крысиным. Острым, как нож.

– Кто такие?

– Полиция Голдтауна.

– Ну-ну... – сказал остролицый, сощурившись. – За жмуром?

– За ним...

– Жетон давай, – в окно просунулась жилистая рука. Гай вложил в нее значок. – Детектив Гай Пател, ну-ну, – прочитал остролицый. И метнул голубые глаза в Антона. Его рука казалась бесконечной. Она дотянулась до Антона, и он вложил в нее жетон.

– Детектив Антон Радваньски. Ну-ну, блядь. Поляк и индус. Как в анекдоте, да? – встретились как-то поляк и индус...

– Мы можем ехать? – перебил Гай.

Голубые глаза вцепились в него, как хищные лапы.

– Ты мне не нравишься, индус! – Он швырнул жетоны Гаю в грудь. – Но да... вы можете ехать.

Шлагбаум поднялся, и Гай направил седан в узкий проход между мешками.

По ту сторону полипропиленовой баррикады на тротуаре лежали мертвецы – раздетые, с запрокинутыми головами. Трое мужчин, как тени под палящим солнцем. У того, что лежал посередине, левая нога была согнута в колене, выставляя напоказ увядшие гениталии. Четвертого, чернокожего с прострелянной головой, солдаты волокли по песку, как куль с бельем. Небрежно и равнодушно. Они подтащили его к остальным и бросили рядом. А потом устали на проезжающий мимо седан.

– Не смотри на них, – сказал Гай напарнику. – Они ищут повод зацепиться...

– Там трупы... – ответил Антон. – Они, что – стреляют тут людей?

– Стреляют, – Гай прибавил скорости, пытаясь скорее убраться прочь. – А ты думал тут райские сады?

– Бред какой-то, – Антон оглянулся. Трупы лежали все там же. Они были настоящими. – И это сходит им с рук?

Гай не стал ему отвечать. Просто отдал значок.

Дома в этой части Гетто стояли рядами, как костяшки домино. Налепленные друг на друга бетонные коробки, расчерченные сотнями клеток. Гай помнил их – узкие комнатухи в двадцать квадратов. Тесные, душные, шумные. И на каждый этаж – общая ванная и сортир. Воду включали по часам – еле теплую, без напора. Мальчишкой, Гай переминался с ноги на ногу на мокром полу, натирая себя мочалкой, а потом ступал под слабую струйку, падающую из ржавого душа. Он справлялся по малому там же, потому что знал, кто в это время заседал в сортире.

– Моими соседями были мексикашки, – сказал Гай, усмехнувшись. – Семья из пяти человек. Их папашка, жирный боров, вечно жевал эти сраные бурритос. А потом заседал на толчке. Никогда не забуду эту вонь.

– Не самые приятные воспоминания, – сказал Антон.

– Да уж. Не самые...

– Но ты выбрался.

Гай кивнул. Но как-то печально.

Гетто не отпускает его, – подумал Антон, глядя на напарника. – Снится ему во снах.

– Скоро будем на месте, – Гай вывернул руль и седан нырнул во дворы. – Здесь можно срезать, – пояснил он.

Они проскочили мимо стаи собак, рвущих кусок чего-то красного, и очутились на перекрестке, под взглядом сгорбившегося одноглазого светофора.

Гай протащил седан через дорожное перекрестие – дальше встречные полосы были разведены широкой аллеей. Некогда зеленая от росших тут деревьев, теперь аллея была голой, стыдящейся своей наготы. Как постаревшая проститутка, она прятала свои изъяны под одеялом из песка. От бывшего уюта и красоты в ней ничего не осталось, только несколько деревянных лавок и памятников – гипсовых пионеров с горнами.

На одной из лавок, под зонтиком, сидела толстая тетка в темных очках. На ней было красное платье в белый горох и пляжная шляпа. Женщина курила, забросив ногу на ногу.

– Кто она? – спросил Антон.

– Та тетка? – Гай удивленно вскинул бровь. – Мать – приглядывает за шлюхами по эту сторону тоннеля.

– Поговорим с ней?

– Не думаю...

– Давай просто поговорим с ней, Гай!

– Ого! – присвистнул Гай. – Ладно, ладно, не кипятись, напарник...

Он припарковался у обочины. И снова подумал о том, что вопросы могут их задержать. Рис начнет остывать, а Мирра злиться.

Антон выискал среди бумаг фотокопию старика и открыл дверь.

– Пошли.

– То есть ты поверил, что старик был тут из-за шлюхи? – кинул ему в спину Гай. – Антон?!

– Глупо будет просто проехать мимо, – ответил Антон и хлопнул дверцей.

Гай вышел следом.

На улице было, как в духовке. А тетка уже всюю пялилась на них. Все в той же позе – нога на ногу, с сигаретой в слоновьей руке. Ее намалеванные красной помадой губы напоминали бант. Конечно же, она увидела их рубахи и револьверы. Но здесь ей нечего было бояться.

– Добрый день, – поздоровался Антон, прикрываясь от солнца листком из досье. – Можно мы?..

– Покурим тут, – закончил за него Гай. Он достал из нагрудного кармана пачку «Пелл Мелла» и закурил фильтр.

Женщина пожалала плечами. Сбила с сигареты пепел и уставилась на Антона.

– Чудный сегодня день, – сказал он.

Гай зажег «пелл мелл» и глубоко втянулся:

– О, да, день благодатный – ни облачка. Меня зовут Гай. Это, – он кивнул на Антона, – мой напарник. Антон.

Женщина качала толстой ногой в веревочном сандалике. Ее ноги были ухоженными – аккуратные ногти, покрытые темным лаком, гладкие пятки. Она делала педикюр в салоне, в то время, как люди здесь задницами отработывали кусок черствого хлеба. Гай сплюнул в сторону. Ему стало противно.

– Хотели бы задать пару вопросов насчет этого человека, – Антон протянул женщине листок с фотографией. Но толстуха не проявила интереса.

– Я не обязана отвечать, – сказала она. Ее голос был утробным, как будто она говорила горлом. – Здесь это не работает. Не со мной.

– Теряем время, – фыркнул Гай. Тетка начинала его бесить.

– Я понимаю, наша юрисдикция не распространяется на территорию гетто, – ответил Антон и достал из заднего кармана брюк бумажник. – Но доллар то здесь ходит, не так ли?

Ее заинтересовал кошелек. Хотя она и старалась не подавать виду. Антон снова протянул ей листок с фотографией.

– Что с ним случилось? – спросила женщина. – С этим человеком?

– Он умер. Тут, у вас. Его тело нашли неподалеку от этой аллеи – в мусорном баке, с простреленной башкой. Да он, наверное, там до сих пор и валяется – а мухи откладывают в него яйца. Но кому есть дело до мертвого старика, правда?

– Сейчас многих стреляют, – ответила женщина.

– Вы видели его?.. Я имею в виду – живым?

– Все зависит от того, сколько в бумажнике наличности.

Антон достал деньги. Отсчитал две купюры.

- У меня крупные. Так что? Был он здесь?
- Был.
- Гай с Антоном переглянулись.
- И что он хотел? – спросил Гай.
- Антон протянул деньги, и тетка схватила их пухлыми пальцами.
- То, чего у меня нет. Он искал Вавилоны. Но Вавилоны лишь выдумка, не так ли? – она докурила и бросила окурочек под ноги.
- И что было дальше?
- Он ушел. Я посоветовала ему уйти. И не болтать больше про вавилоны. Он выглядел каким-то несчастным. Потерянным... Я предложила ему развеяться с нашими девочками, но он искал кое-что другое.
- Что он искал? – спросил Антон.
- Женщина покачала головой.
- Слишком много вопросов. Нет. Этого мало, – она показала зажатые в руке купюры.
- Мало? Две сотни баксов?
- Толстуха посмотрела на него сквозь темные линзы очков. Но промолчала.
- Так что он искал? – повторил за напарника Гай. Антон увидел в его руке помятую сотню.
- Он искал запретное. Понимаешь? То, что ищут пропащие люди. У которых злые бесы внутри, – толстуха выхватила у Гая деньги, и смяла их в кулаке. – Я посоветовала ему помолиться. Сходить в церковь. И возвращаться домой. Но, как вижу, он не ушел.
- Так что он искал? – снова повторил Гай.
- Мальчиков. Он искал маленьких мальчиков, – Женщина полезла в сумку за сигаретами. И когда прикуривала, руки ее тряслись. – У меня у самой сын. Дети тут пропадают. Я знаю, такое бывает. Их никогда не находят.
- Пойдем, – сказал Антон. Он зашагал к машине. Обернулся. Гай стоял все там же. Его сигарета истлела до фильтра, но он все ее не отпускал. – Гай!?
- Он что-то сказал на прощание толстухе, и подошел к Антону.
- Что ты ей сказал?
- Гай молча сел в машину. Антон сел рядом.
- Ты в порядке?
- В полном.
- Гай бросил листок с фотографией в ворох бумаг. Включил зажигание и сдал назад.
- Что думаешь насчет ее рассказа? – поинтересовался Антон.
- Я подумал, – сказал Гай, – на секунду. Что этот старый хер легко отделался.
- Гай...
- На секунду, Антон! Я подумал о том, что у меня тоже есть сын! Я сказал ей это, когда уходил. У меня тоже есть сын.
- Он в Голдтауне.
- Да. Да... В Голдтауне. Так она и ответила мне. Твой сын в Голдтауне, а мой – здесь.
- Ты думаешь, она заслуживает милосердия? Когда вот так – имеет отношение ко всему этому?... торгует людьми!
- Я не знаю...
- Я знаю!
- Ты тоже не знаешь, Антон! – крикнул Гай. – Не знаешь, кто из них меньшее зло!
- Он крутанул руль и седан развернуло. Из-под колес брызнул песок.
- Она не просит твоего милосердия. Но и ты не суди ее, – сказал Гай уже тише. – Может она спасает этих девчонок... Так, как умеет...
- Милосердие, подумал Антон. Она не заслуживает его. Даже ради своего сына.

Он покачал головой.

– Что? – возмутился Гай. – Хочешь сказать, я не прав?

– Ты поменял отношение к ней только потому, что у нее есть сын? Я знаю, тебя надирает эта хренова фраза – у нее не было выбора, – сказал Антон. – Но это неправда. Он у нее был.

– Она делает это ради сына!

– Ломает жизни другим?

Гай усмехнулся.

– Когда-нибудь ты поймешь ее.

– Это вряд ли...

Аллея осталась позади. Гай свернул во дворы – на узкую тропку, зажатую угрюмыми шлакоблочными трехэтажками. Седан осторожно прополз мимо них, и уткнулся в обветшалое здание в конце улицы, напоминавшее часовню. Белая штукатурка пооблезла с его стен, оголив красные кирпичи, а высокие окна кто-то заколотил досками. Куполообразная крыша и вовсе проржавела до дыр, а вместо креста стоял оцинкованный флюгер. Деревянная вывеска над раскрывшимся крыльцом кричала намалеванными на ней буквами.

«БОЖЕДОМЪ»

– Что это значит? – спросил Антон.

Гай припарковал машину и глянул в лобовик на вывеску.

– Не знаю.

– Это не по-вашему?

Гай уставился на Антона.

– Не по-нашему? – переспросил он.

– Ну... по-вашему... хинди? Нет?

– Пошли, – Гай взял кипу бумаг и ткнул ее Антону в грудь. – Нам нужно его опознать.

Пожав плечами, Антон перенял бумаги.

– Дерьмо какое-то... – буркнул он, открыв дверь.

На улице стояла душная тишина.

Людей почти нет, – подумалось ему. Один песок. В этом месте один чертов песок.

Кожа на спине зудела от скрещенных ремней. Хотелось шелкнуть застежками и скинуть дурацкие подтяжки на землю. Но Антон всего лишь поправил тяжелую кобуру. И положил руку на шершавую рукоять револьвера.

Гай не спеша подошел к крыльцу. У бетонных ступеней стояло погнутое оцинкованное ведро, забитое пластиковыми бутылками из-под пива. Рядом валялись горы обсосанных до фильтров бычков.

Антон подошел к напарнику.

– Идем?

– А? – встрепенулся Гай. – Да. Да. Идем...

Сзади что-то звякнуло и они обернулись. На дорожке стоял чумазый мальчуган на велосипеде. На вид не старше десяти, он смотрел на полицейских усталыми глазами старика. Антон на секунду подумал, что мог выхватить револьвер. Он знал, такое случалось – рука порой действовала быстрее мозга.

На руле велосипеда был присобачен хромированный звонок. Гай не видел таких тысячу лет.

– Что случилось, малыш? – спросил он.

Он смотрит не на нас, – догадался Антон. – На наши револьверы.

Мальчишка не ответил. Звякнул еще раз и развернул велосипед.

– Пошли, – сказал Гай Антону. – Здесь жарко.

Он поднялся по ступеням и открыл деревянную дверь. Антон проследил, как мальчишка набрал скорость, виляя по песку, и поднялся следом.

– Просто мальчонка, – пожал плечами Гай.

– Конечно.

Они вошли внутрь. В помещении царил полумрак – с потолочных ламп капал тусклый свет, собираясь в лужи под ногами. Было прохладно и едко пахло лекарствами. Само помещение оказалось крошечным, обложенным кафельной плиткой. И пустым – гляцевым, холодным. Все тут сжималась в одну-единственную точку – лестницу в десять ступеней, ведущую вниз.

Гай щелкнул застежкой на кобуре и спустился первым. Дверей внизу не было, на входе висела полиэтиленовая пленка, за которой горел свет.

Гай раздвинул занавеси и шагнул внутрь.

– Господи... – он прикрыл нос ладонью – в подвале смердело.

Это был цех. Разделочный цех – с наваленными друг на друга людскими телами. Они лежали там, у дальней стены, в темноте. Но не заметить их было нельзя – костлявый мясной комок. Руки, ноги, косматые головы, раскрытые рты. Как куча манекенов, сваленных в кладовке супермаркета.

Справа находились несколько разделочных столов, заляпанных кровью. На одном лежало вскрытое тело – вывернутое ребрами наружу, оно напоминало паука, с торчащими лапами. Над ним, согнувшись, стоял невысокий мужчина в окровавленном, грязном фартуке. Рядом, у самого пола болталась на шнуре небольшая болгарка с обтесанным отрезным кругом, с которого капала кровь. На человеке была медицинская маска и защитные очки. Когда, наконец, он заметил Гая, то выпрямился и стянул маску с лица.

– Сейчас! – крикнул он ему.

– Что за хуйня тут творится? – прошептал сзади Антон. Гай не ответил. Ему нечего было сказать.

Морги гетто – примитивные разделочные доски, с нескончаемым мясным потоком. Гай помнил их такими – грубыми, тесными комнатухами, которые пугали его с самого детства. Тогда, после первого посещения, ему долго снился кукольный дом, из которого его кто-то звал. И глаза, смотрящие сквозь маленькие окошки.

Ничего не изменилось с тех пор.

Гай не был уверен, что труп их дождался. Обычно в таких местах тела начинали гнить – их кололи разной дрянью, чтобы избежать разложения. От этого трупы распухали и их старались поскорее захоронить. Чаще всего в братских могилах.

«Если он здесь, – подумал Гай, – то он похож на неудачную практику пластического хирурга».

Человек в фартуке подошел к ним – небольшого роста, седой, с усами и плешью. Даже не стал снимать латексных перчаток – обтер их о грязный подол.

– Слушаю вас, молодые люди.

Гай достал значок.

– Нам нужен Лев Кёниг. Антон, покажи ему.

Антон сунул патологоанатому под нос бумагу с фотографией:

– Этот.

– Да, я помню его. Он пролежал несколько суток на жаре, а потом три дня здесь – я колол его формалином, чтобы он не поплыл.

– Мы должны его опознать. Это возможно? – спросил Гай.

– Боюсь, что нет... Нет. Невозможно.

– Почему? Все так ужасно?

– Потому что его здесь нет, – ответил человек. – Меня предупреждали, что за ним приедут. И за ним приехали. Часа два как тому назад.

– Забрали?! – рявкнул Гай. – Да блядь кто?! Кто мог его забрать?! – он оглянулся на Антона. На его лице играла нервная усмешка.

– Как они выглядели? – проигнорировав напарника, спросил Антон.

Патологоанатом задумался.

– В форме, – наконец сказал он. – Они были в форме.

– Сколько их было?

– Трое или четверо. Не знаю. Сказали, что заберут его, а мне и в радость, что ему тут не гнить. Их ведь вон сколько, – он мотнул головой в сторону трупов, – и никому они не нужны. Никто за ними не приходит...

– Нужно предупредить труповозку, – сказал Антон. – Гай?

– Мы приперлись за этим трупом из самого Голдтауна, – процедил сквозь зубы Гай, глядя на патологоанатома. – А этот хер отдал его каким-то убкам в форме? Так ты говоришь, да?!

– Гай!

– Что?! Да этот сукин сын знает, посмотри на него!

Он ткнул пальцем в сторону растерянного старика.

– Он не знает, – спокойно ответил Антон. – А нам нужно торопиться.

Он развернулся и взбежал вверх по лестнице.

– Твою мать! – Гай топнул ногой. – Как ты собираешься его искать?! Антон?! Блядь!

Он зло посмотрел на патологоанатома и рванул за напарником.

Они выскочили на улицу, хлопнув дверьми. Хлоп-хлоп, как пара выстрелов в тиши. Антон сбежал по ступеням и распахнул дверцу седана, вытянув рацию.

– Диспетчер, это Радваньски! Прием!

Он отпустил кнопку, прислушавшись. Рация зашипела. Как и в прошлый раз, ему ответила девушка. Только сейчас ее голос был еле различим за пеленой радиопомех.

– Что у вас случилось, Радваньски?

– Мы на выезде в гетто, – глотая жаркий воздух, произнес он.

– Да, – ответила диспетчер. – Я осведомлена обо всех выездах экипажей.

– Так вот, – сказал Антон. – Льва Кёнига, за которым мы ехали, тут нет. Была договоренность, что труповозка заберет его из морга. Но его здесь нет. Его кто-то забрал... Разверните труповозку. Иначе они застрянут тут до утра.

На ночь границы резервации запирались на замок, и в силу вступал комендантский час. Об этом знали все, без исключения. И диспетчер тоже знала. Но ее голос был там, за белым шумом, за этим сраным шипящим туманом. Она не видела всех тех трупов в подвале. Ей было наплевать.

– Мы не можем развернуть экипаж. Он уже вылетел к вам. Как и назначено – в пять часов.

– Вылетел? – переспросил Антон.

Гай спустился с крыльца и зажег сигарету. Он слушал весь этот бред, и ему становилось не по себе. Диспетчер сказала, что уже пять. А значит через три часа границы закроются, и они останутся тут до утра. Им немедленно нужно было уезжать.

– К вам направляется эвакуационный вертолет, – пояснила диспетчер. – Он сядет у моста через час.

– Скажи ей, что мы уезжаем, – буркнул Гай. – Пусть разворачивают свою вертушку. Нужно выбирать

Только не задавай вопросов, – мысленно попросил он напарника. – Вопросы, как крюки. Они нас задержат...

– Что делать с Кёнигом? – спросил Антон. – Уезжать без него?

– Это неприемлемо. Тело Льва Кёнига необходимо вернуть в Голдтаун и передать родным.

– Тупая... ссука! – процедил Гай сквозь зубы. Он бросил сигарету в песок и с силой растоптал ее. – Она хоть представляет, где мы сейчас?! Да нас тут на куски порежут...

– Диспетчер? – позвал Антон.

– Вы засоряете эфир, Радваньски. Ваше дело проходит по красной линии. Надеюсь, вам не стоит напоминать устав?

– Нет, диспетчер.

Антон посмотрел на Гая.

– Что будем делать?

– Убираться отсюда к чертям собачьим, – Гай открыл дверцу и сел за руль. – Ну? – крикнул он напарнику. – Садись, давай!

– Красная линия, Гай. Это трибунал.

– Ты хочешь остаться тут на ночь, поискать труп этого старого мудака? – Гай достал связку ключей и отыскал ключ зажигания. – Рассказать тебе, что тут делают с легавыми? Мы тут по сраной договоренности. С Чистыми, с грязными, с кем там договорились наши начальники... не знаю. Но как только закроются границы, этот договор истечет. И наша неприкосновенность лопнет, как мыльный пузырь!

Гай завел мотор и переключил ручку скоростей.

– Ну!?

Антон уселся рядом и хлопнул дверцей.

– Молодец, напарник!

Гай крутанул руль, и седан развернулся, как волчок. Плюнул песком из-под задних колес и помчался прочь от морга.

– Они отследят нас, – сказал Антон. – Со спутников. Они знают, что Кёнига у нас нет. Как ты собираешься выбраться? Они арестуют нас на КПП.

Гай ударил по тормозам. Так, что их бросило вперед, на лобовик. Он дернул ручку и дал задний.

– Мы возвращаемся?

– Да, – кивнул Гай, вырубивая одной рукой. – Возвращаемся.

Седан ткнулся задницей в ведро с бутылками и подмял его под себя. Гай выскочил из салона и взбежал по ступеням на крыльцо.

Антон вышел из машины и уставился на напарника.

– Что ты задумал?

– Пойдем. Мне нужна твоя помощь.

– В чем? – Антон подошел к крыльцу.

Вот она, подумал он. Индийская кровь. Которая сворачивается под жарким солнцем. Дурная кровь.

– Пойдем, увидишь, – Гай открыл дверь. – Или ты мне не веришь?

За четыре года они так и не притерлись друг к другу. Почему сейчас что-то должно было поменяться?

Возможно, мы потеряем тут время, – подумалось Антону. – Как уже бывало. Когда я шел у него на поводу.

– Что ты хочешь там найти? – устало спросил Антон. – Прессовать старика?

– Да ебаный же в рот! – крикнул Гай. – Ты идешь или мне все делать одному?!

Они спустились к патологоанатому – обратно в едкую темноту. Назад к трупам. К страшной лепнине из человеческих тел. Антон старался не смотреть на них. Но у него не получалось. Он видел их – чумазных, худых. Видел их руки, колени, плечи. Волосы. Он был полицейским, мертвецы являлись частью его работы. Повешенные, захлебнувшиеся блевотой, перебравшие наркоты, убитые... В Европе люди не победили смерть – они умирали также, как здесь. И все

же эти мертвецы были другими – они нагоняли на него страх. Ему казалось, что они все еще шевелятся там, в темноте. Смотрят на него. Шепчутся о нем.

Старик не был удивлен их возвращению. Он даже не успел вернуться к разделочному столу. Мыл руки в жестяной мойке – вода не шла, и ему приходилось пользоваться дурацким рукомойником. Патологоанатом брякал клапаном, неспешно потирая мокрые ладони.

– Вернулись? – спросил он, не оборачиваясь.

– Нужна твоя помощь, – сказал ему Гай.

– Мм? – старик, наконец, обернулся. Снял с крючка полотенчко и вытер руки.

– Нам нужен один из твоих трупов, – Гай кивнул в сторону мертвецов. – Мужчина. Преклонных лет...

До Антона дошло, что его напарник собирается сделать. Взять труп какого-то старика и выдать его за Кёнига. Чтобы выбраться из гетто. Обман раскроется. Но они будут уже там – по другую сторону стены.

Неплохо для Гая, – подумал Антон. – Иногда он может удивлять...

Они сумеют выбраться. Пилоты не смогут опознать распухший труп. Да они и не станут. Им велено забрать тело старика с дыркой в башке...

Антон посмотрел на Гая. А Гай на него.

«он не станет колебаться» – подумал Антон. Он достанет пушку и прострелит трупу лицо...

Патологоанатом пожал плечами.

– При одном условии.

– Каком? – спросил Гай.

– Вы должны его похоронить. После всего этого... не сбросить где-нибудь с дороги, в канаву. А по-человечески похоронить.

– Заметано, – отмахнулся Гай.

– Хорошо, – сказал Антон.

– Тогда пошли.

– Что? – Антон засмеялся. – Нет, нет. Я на это не подписывался.

Его пугала эта мертвая лепнина. Он не собирался к ней приближаться.

– Пошли, – буркнул старику Гай.

Они были там недолго. Видимо старик знал всех трупов в лицо. Знал, где они лежат. Спустя пять минут они приволокли распухшего голого старика – Антон искоса глянул на него. Лицо было в складках, как у бульдога. На нем уже растянулись длинные трупные пятна. Седые кудрявые волосы скатались колтунами. Не лицо – глиняная маска, поплывшая в душной мастерской.

– Сейчас, – патологоанатом отошел и вернулся с черным мешком на застежке. – Вот. Можете упаковывать.

– Антон, – Гай взял мешок и принялся его разворачивать. – Мне нужна твоя помощь.

– Вы не хотите узнать, как он умер? – спросил старик.

– Нет, – ответил Антон. – Не хотим.

Вдвоем они поместили тело в мешок и вынесли на улицу. Бросили в багажник и уселись в салон.

– А теперь слушай внимательно, – произнес Гай. – Когда все раскроется, мы скажем, что ошиблись. Мы подумали, что это был Кёниг. Они не поверят, но ты скажешь, что я тебя убедил. Нам объявят выговор с занесением в личное дело. И отправят сюда других ищеек.

Гай завел мотор и посмотрел на напарника.

– Все так просто? – спросил Антон. – Ты думаешь, будет так просто?

– Твоя проблема в том, – ответил Гай. – Что ты задаешь слишком много вопросов.

Он ударил по газам, и Седан рванул по песку к выезду из квартала.

Они отыскивали пустой закоулок за разбитыми металлическими гаражами. Песок здесь был заскорузлым от человеческих испражнений – хрустел под ногами. Всюду валялись шприцы и стеклянные бутылки из-под сивухи. Странно, но отсюда виднелся тоннель – черная норка в песке. Антон вспомнил рассказ Гая о том, как этот тоннель горел. Представить клубы дыма было несложно.

– Помоги мне, – попросил Гай. Он уже открыл багажник и стоял, уперев руки в бока.

Антон закатал рукава рубашки. Вместе они выволокли тяжелый мешок наружу и свалили на землю. Гай присел на корточки и аккуратно расстегнул молнию. В полиэтиленовой темноте плавало бледное одутловатое лицо.

– Что ты делаешь? – скривился Антон.

– А ты как думаешь?

Гай бережно приподнял тело.

– Давай, спусти с него мешок, – сказал он Антону. – По пояс, больше не надо...

Антон присел рядом и аккуратно приспустил мешок с костлявых плеч. Голова старика упала на обвисшую грудь. Теперь, при дневном свете, Антон видел пучки седых волос вокруг посиневших сосков. И складки на потемневшем животе.

– Теперь отойди, – Гай уложил тело на песок и встал над ним. Вытащил револьвер.

– Блядь... – Антон отвернулся. И заметил вдалеке мальчонку на велосипеде.

Он никому не расскажет, – подумал Антон. Да и кому он может рассказать?

Бахнул выстрел. Зазвенел в тишине и ушел в песок. А Антон даже не вздрогнул.

– Давай, – окликнул его Гай. – Надо упаковать обратно.

Антон нехотя повернулся. Крови почти не было. Пуля расшибла старику висок, отколола надбровную дугу и вместе с кровью исчезла в песке.

Отец бы тобой гордился, – подумал Антон, глядя на напарника. – Стреляешь мертвых стариков...

Они упаковали тело в мешок и положили в багажник. Антон оглянулся – мальчишки больше не было.

Еще бы, – усмехнулся он и уселся в машину. – Если бы я увидел, как кто-то стреляет в мертвеца, я бы тоже предпочел сделать ноги.

– Проще, чем кажется, – Гай уселся рядом и закурил. – Я обещал Мирре быть к ужину, – вдруг сказал он. – У тебя есть планы на вечер?

Антон пожал плечами. Ему не хотелось переться к Гаю домой, и целый вечер под дружеский смех вспоминать мертвого старика. Не самое лучше время для притирки. Лучше всего поехать в бар и надраться в говно.

– Да...хотел заехать кое-куда после работы, – кивнул Антон.

– Кое-куда, – задумчиво повторил Гай. – Кое-куда...Если ты поеедееешь в сан-францискооо...

Напел он, улыбнулся, хлопнул Антона по плечу и развернул седан.

– Скоро будем дома, напарник.

Он радуется, что не встретил их, – Антон взял с заднего сиденья бутылку воды и отвинтил крышку. Вода была теплой, но он пил долго и с удовольствием. – Он радуется, что не встретил чудовищ, о которых говорил.

До КПП они добрались быстро. Гай напевал себе под нос старую песенку, а Антон молча смотрел в окно.

На задание всегда, как в гору, – поговаривали полицейские. – Зато с задания, как с горы.

Так оно и было. Только в этот раз они уезжали, так и не покорив этой высоты.

– Думаешь, они нас не остановят? – спросил Антон, глядя на скучавших у баррикады людей в военной форме.

– Да посмотри на них. Им плевать.

Так оно и было. Их пропустили без лишних слов. Только махнули рукой – скатертью дорожка.

На выезде Антон глянул в окно. Трупы лежали все там же – жарились на солнце. Похоже, в этом месте смерть перестала кого-либо удивлять.

Седан прополз между мешками, и Гай прибавил ходу.

Люди на улицах смотрели им вслед. Кто-то протягивал руку – за милостыней. Чумазные дети бежали за ними – тонкие тени в желтой пыли. Кричали что-то. А потом таяли – как наваждение, как дурной сон.

Мы отгородились от них, – подумал Антон. – Заперли их здесь, как болезнь. В надежде, что болезнь сожрет сама себя. Но что случится, если вирус выберется за пределы резервации? Эти люди так ненавидят нас... и мы подливаем масла в огонь. Пируем во время чумы...

– Антон?

Он вздрогнул.

– Что?

– Следующая станция – Голдтаун, – Гай жевал мятную конфету. И Антон не знал, что хуже – запах курева или этой дряни.

Впереди маячил черный кругляк тоннеля. Антон опустил стекло и высунулся в окошко подышать. И сразу услышал звук лопастей, бьющих загустевший воздух.

– Слышишь?

– Чего там? – буркнул Гай.

– Вертушка. Я ее слышу.

Гай сдал к обочине и остановился. Прислушался. Открыл дверцу и вышел на дорогу.

– Да, черт возьми! – хохотнул он. – Это и, правда, гребаная вертушка! Я думал, эта сука шутит! Сколько они отвалили за эту операцию? Ты представляешь себе?!

Гай поднес ладонь к глазам, прикрывшись от солнца. Антон вышел на улицу и сделал то же самое.

– Вон она! – Гай указал рукой на черную точку вдаль. – Джек пот!

Он ударил в ладони.

Антону показалось, что его напарник сейчас станцует. Заберется на крышу седана и выдаст чертову джигу.

«Индусы, паки, евреи, ебаные арабы в этих своих смертельных поясах...»

Перед глазами Антона мелькнули толстые губы в сигаретном дыму. И они говорили, повторяли, а язык облизывал их.

Зря мы вытащили их на континент! Чертова гнилая кровь! Рано или поздно эта кровь выкинет какой-нибудь фортель. Запомни, Антон. Запомни это, сынок, потому что их столько много, что один обязательно окажется в этот момент рядом с тобой»

Отца давно не было – его свалил рак. Он выкуривал по две пачки в день – казалось, никто столько не курил в целой Европе.

«Что бы ты подумал отец, если бы узнал, что мой напарник индус?»

Черная точка вертолета обрела форму. Звук лопастей стал громче.

Гай замахал руками.

– Сюда! – прокричал он, как будто его могли услышать.

И вдруг что-то хлопнуло по ту сторону тоннеля. Белой пеной поднялось с земли, прочертило дугу в небе и ударило в вертолет. Машину смяло, как пластилин. Закрутило. Обняло черным дымом и языками пламени. И этот раскаленный комок, похожий на комету, рухнул на землю и взорвался, подняв в небо столб яркого огня.

Конец первого эпизода.

2

– Посмотри, видишь его?

В пятиэтажке через дорогу, на окне стоял кукольный дом. С розовыми стенами и крышей из пластиковой черепицы. Ставни на маленьких окошках были распахнуты, словно внутри кто-то жил.

– Виизу... – протянула маленькая девочка. У нее недоставало пары молочных зубов. Мальчик по имени Гай поднял сестренку на руки, чтобы ей было получше видно.

– Вот так... Видишь, да? Когда-нибудь мы будем жить в таком же. В Европе.

Она молчала. И он тоже. Она верила ему. А он себе не верил.

– Ты идешь купасся, Гай? – она слезла с его рук.

– Пойду с тобой, но в этот ваш лягушатник не полезу.

– Мама говолит – там безопасно...

– Гай!

Он пришел в себя. Как вынырнул из воды. Сжал руль. До белых костяшек. До ломоты в пальцах.

– Гай, твою мать!

Это был Антон. С закатанными рукавами форменной рубахи. С револьвером подмышкой. Вцепившийся жилистой рукой в ручку над дверцей.

Впереди маячил круг дневного света. Брыкался и дергался, как луч фонаря.

– Тормози, ты нас угробишь!

Седан выскочил из тоннеля, жужжа колесами. И сходу напоролся на твердый кулак спекшегося песка. От удара у машины отлетела радиаторная решетка, и лопнули фары – разлетелись в стороны сверкающим дождем. Крышка капота взмыла вверх, оголив запеченные, дымящиеся кишки мотора.

...Соседское окно стояло пустым и темным. Холодным, как черная дыра. Оно засасывало. Поглощало все вокруг.

Кукольного дома больше не было. Как не было и сестренки Гая. Вместо нее на железном столе лежала фарфоровая кукла – тонкая и бледная, со швом во все тело, от горла до самой промежности.

Его сестра стала куклой. И поселилась в кукольном доме. Как-то ночью Гай проснулся и подошел к окну. В пятиэтажке через дорогу, на подоконнике снова стоял розовый дом. А внутри него горел яркий свет. Гай присмотрелся и заметил в маленьких окошках чьи-то глаза. Они смотрели на него. И он испугался. Он зажмурился. А когда снова отважился посмотреть – ничего не было. Соседское окно опять превратилось в безликую черную дыру...

– Гаааай!

Он ударил по тормозам. Машину развернуло, бросило на два колеса. Она застыла, балансируя, грозясь завалиться на бок. Но затем рухнула обратно на дорогу, со стоном выдавив из-под себя фонтаны песка.

Стало так тихо, что заложило уши. В загустевшем воздухе медленно падали сверкающие песчинки. Они опускались на лобовик седана и скатывались вниз. Антон смотрел на это странное действие, и чувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Он не ел с утра, позавтракал гамбургером по пути на работу. Ему даже вспомнилось, какой приторной была газировка из пластиковой бутылки.

Сквозь запыленное стекло лобовика виднелся столб черного дыма. Тугая черная коса, с вплетениями красных огненных жгутов. Она поднималась ввысь в полумиле от них. Вертолет

упал недалеко от дороги, превратился в сгоревший гамбургер, с котлетой из человеческих тел. И Антону казалось, что он жуёт этот гамбургер – хрустит хрящами и сухожилиями.

В тишине салона щелкнула застежка ремня. Открылась дверь и Антон вывалился из салона, сблевав на раскаленный песок.

Гай с трудом отцепил руки от руля. Посмотрел на напарника.

«Есть места, которые не отпускают» – прозвучал в голове голос отца. Сколько бы ты ни бежал, как далеко бы ты ни был. Стоит обернуться, и ты поймешь, что все это время был на цепи.

Из домов повывлезали зеваки – дети, женщины, старики. Все, как под копирку. Как будто время здесь стеснялось творить – рисовало одних и тех же людей на протяжении целых столетий.

Антон проблевался, и вернулся в салон. Утерся рукой. Сплюнул.

– Чертова духота, – сказал он, не обращая внимания на пристальный взгляд напарника.

– Ты как? – спросил Гай.

– Нормально.

Антон заметил вывалившихся из подъездов людей.

– Повылазили, блядь! Сейчас начнутся пляски на костях...

– Мы тут уже не поможем.

Антон кивнул. Взял рацию. Поднес к губам и замолчал. Не знал, что говорить. Как объяснить то, что случилось.

– Скажешь им? – спросил Гай.

– Нужно сказать.

– Но кто их сбил? – Гай осмотрелся по сторонам.

Антон молчал. В голове ничего не выстраивалось. То, что случилось, не имело никакого смысла. Никакой логики.

– Все это началось еще до вертолета, – сказал он.

– Что именно?

– Все началось еще до того, как мы приехали в морг.

– Да кому все это надо?! – Гай вытащил «Пелл Мелл» и закурил. Вышел на улицу, с силой захлопнул капот и сел обратно. – Кому надо красть мертвого старика и сбивать полицейский вертолет? Херня полная!

Это не имело смысла. Они должны были забрать тело и убраться восвояси. Не привлекая внимания. Быстро и тихо. Вернуться обратно в сытый Голдтаун и забросить папку с делом Льва Кёнига в самый дальний ящик. Но кто-то не хотел, чтобы все было так просто. Кто-то не хотел, чтобы все это заканчивалось.

– Мы должны найти его, – сказал Антон. – Кёнига. Чтобы все прояснить.

Гай пустил дым из ноздрей. Он знал, что его напарник так скажет. Все-таки они работали в паре четвертый год. Но Гая волновало другое. Все пошло наперекосяк. Выбраться им не удалось. И теперь им попросту нужно было выжить.

Да, напарник, – подумал Антон, глядя на Гая. – Теперь мы встретимся с теми чудовищами, о которых ты говорил...

– Гай? – позвал он.

– Мм? – Гай казался растерянным.

– Ты слышал, что я сказал?

– Еще бы.

– И что думаешь?

Выживание на время, вот что я думаю, – подумал Гай. Он докурил и выбросил окурок в окно.

– Думаю, это херовая затея.

Антон хмыкнул.

– Есть идеи получше?

– Даже не сомневайся.

Гай дернул рычаг и направил седан прочь от тоннеля. Антон оглянулся.

– Куда ты собрался?

– Мы должны найти укрытие на ночь. А они, – он указал на стоящих у домов людей, – должны увидеть, как мы уезжаем. А утром... утром, может быть, и поищем твоего старика.

– Думаешь там безопасней?

– Думаю – да.

– Но по вертолету стреляли отсюда, – напомнил Антон. – У кого здесь может быть такое оружие? Способное сбить вертолет?

Гай отстраненно пожал плечами. Они находились в резервации. Чертова база тут могла быть у каждого. Лежала себе в подполе со времен гражданской войны и ждала своего часа. А сбивать вертолеты из примитивных орудий боевики научились еще в 90-х, во время войны в Сомали.

Антон снял рацию. Гай искоса глянул на напарника.

– Придумал, что сказать? – поинтересовался он.

– Не знаю... все равно... Мы должны сообщить, так ведь?

– Конечно.

Антон помолчал, глядя на клубы дыма за окном. Вот он – в двухстах ярдах от них. Кусок смятого в хлам железа. Обглоданный пламенем до костей. Антон не знал, кто был внутри. Какие-то люди. С именами, с семьями, со своими судьбами. Они тоже хотели вернуться домой до темноты. Но сгорели заживо в сраной резервации.

«Я сделаю вид, будто мне все равно, – мелькнула в голове дурацкая мысль. Но он задавил ее ногами, как последнюю тварь. Ему не было все равно.

– Диспетчер, – позвал Антон. – Это Радваньски.

Он отпустил кнопку и вслушался в помехи.

– Прием, диспетчер, – снова позвал он. Подождал. Глянул на Гая. – Они не отвечают.

– Возможно мы в глухой зоне... – предположил Гай. – В гетто порой сложно поймать сигнал...

– Диспетчер, это Радваньски, прием!

– В любом случае, – прервал напарника Гай, – они уже знают. Вертушки нет на радаре – а это, в большинстве случаев, означает финал...

Антон повесил рацию на место.

– Ты думаешь все это череда случайностей?

Гай удивленно глянул на напарника.

– А ты... – он засмеялся, – да брось. Ты думаешь, нас глушат? Перестань. Ты просто устал.

– Куда мы едем? – спросил Антон, откинувшись на спинку кресла. Он, правда, устал. Чертова жара выматывала. И само это место... словно бы забирало силы. Ему хотелось спать.

– Поедем в песчаный квартал, – ответил Гай.

Антон вспомнил занесенные песком развалины домов. И тот странный памятник серпа и молота, вызвавший в нем тревогу.

– У нас в багажнике труп, – напомнил Гай. – Надо бы от него избавиться.

– Ты обещал его похоронить.

Гай фыркнул. Но промолчал. Вечно его напарник прикидывался совестью. Если б та могла выбраться из Гая и сесть рядом, она бы выглядела именно так.

Мертвяк был им нужен! Теперь надобность в нем отпала. Все! Нужно бросить его где-нибудь на задворках резервации и забыть. Как сказал патологоанатом – эти люди никому не

нужны. За ними никто не приходит. Возможно, он и вовсе не заслуживал человеческих похорон. Этот старик в мешке. Может быть, он был одним из тех, кто посещал Вавилоны...

«Ты стрелял в него, Гай, – устало подумал Антон. – Ты должен его похоронить... Иначе он будет сниться тебе. Как снится гетто. И тот, кого ты оставил здесь...»

Гай никогда не рассказывал о прошлом. Но догадаться было несложно. Этот мир похож на дорожной супермаркет, где за все приходится платить. Иногда плата слишком высока. Иногда это все, что у тебя есть.

Антон закрыл глаза. И в белой обжигающей пустоте к нему пришло нечто страшное. Оно стояло напротив и тянуло к нему высохшие от жара руки. Длинные пальцы, словно свитые из стальных тросов, касались его лица. И от этих прикосновений у Антона ныли зубы. Так, что хотелось выть. Бить себя по деснам, расшибая их в кровь. И когда он уже сжал кулаки, руки отпустили его лицо. И он увидел протянутую ему ладонь.

«Что ты забыл?»

На ладони лежала смятая упаковка от гамбургера. В жирных пятнах, с улыбкой уродского клоуна.

Антон открыл глаза.

– Ты спал, – посмотрев на напарника, заметил Гай.

– Надо же...

За окнами ничего не изменилось. Солнце все так же жгло развалины гетто.

– Ты говорил во сне.

– Вот как?

– Да. Я подумал ты голодный. Бормотал что-то про гамбургеры.

«Гамбургеры! – Антон стукнул себя по лбу. – Гамбургеры и стаканчики с газировкой!»

Как он мог забыть?

Он сорвал рацию

– Диспетчер, прием!? Это Радваньски, прием!

Его не услышали. Эфир наполнился белым шумом.

Гай молча следил за дорогой. Они покидали жилые кварталы – седан мог запросто утонуть в какой-нибудь яме. Солнце клонилось к закату, тени как змеи вились по раскаленному песку. Наступало время слепых сумерек, как называл их отец Гая. Не стоит соваться на улицу, когда опускаются слепые сумерки, говаривал он. В сумерках обитают *pishaach*. (вампиры.хинди). Они могут забрать тебя. И ты никогда не вернешься обратно.

– Диспетчер?!

Антон продолжал звать. Как будто лил воду в забитую раковину. А та в ответ булькала воючими пузырями и затапливала кухню.

– Диспетчер, это Радваньски!

– Они не слышат тебя, – наконец сказал Гай. Его начинала бесить эта тупая молитва. Глухая зона могла тянуться на километры. Его не прельщало слушать это дерьмо до самой ночи.

– Такое ощущение, – сказал Антон, повесив рацию на место, – что нас глушат.

Гай хохотнул.

– Ну, блин. Ладно. Теперь скажи мне – кто и зачем?

– Мы могли запросить сведения насчет миротворцев, – ответил Антон. – И, кстати, должны были это сделать сразу после встречи с ними...

Гай посмотрел на напарника, понимая, к чему тот клонит.

– То есть ты хочешь сказать...

– Да, – кивнул Антон. – У них была пушка, способная сбить вертолет.

– Охуеть, бля, – выдохнул Гай. – Ты перегрелся? Миротворцы сбили полицейскую вертушку из Голдтауна? Не носи чушь...

– А ты уверен, что это были миротворцы? – спросил Антон. – Или ты видел каких-то людей одетых, как миротворцы?

Гай шикнул, как будто ударился мизинцем о ножку кресла.

– Тебя послушать, так у нас тут целый сраный заговор...

Антон посмотрел в окно. День угасал. Съеживался, как лист бумаги, брошенный на раскаленные угли. Все сходилось, связывалось воедино в сложный узор макраме.

«Когда не находишь простых ответов, начинаешь искать сложные» – подумал он.

Гай был полицейским. И ему были нужны доказательства.

«Мы найдем Кёнига, и все прояснится»

– Надо избавиться от него, пока не стемнело, – сказал Гай.

– Что?

– От старика.

Ах да. Старик.

Дурацкая вышла история. Они приехали в гетто за мертвым стариком с прострелянной башкой. И теперь у них в багажнике лежал мертвый старик с прострелянной башкой. Но не тот, который им был нужен. И сейчас им надо было зарыть ненужного старика в развалинах песчаного квартала. Заночевать в машине, надеясь на спокойную ночь, а с утра отправиться на поиски нужного старика с прострелянной башкой. Как будто в гетто они валялись на каждом шагу.

– Здесь безлюдно. И так тихо, – сказал Антон.

Гай глянул в боковое окно и кивнул. Они находились в чертовой глуши, среди развалин. Он зажег ближний свет и остановился. Левая фара мигнула и погасла. Правой повезло больше – при ударе разбилось лишь стекло.

Гай открыл дверцу.

– Идем?

– Пошли.

На улице похолодало. Стало проще дышать.

«Такая тишина» – подумалось Антону. Он никогда не слышал такой в Голдтауне. Ему представилось, что они с Гаем остались одни на земле. Они и мертвый старик в багажнике. Которого им нужно было зарыть в первой попавшейся дюне.

– Давай, – поторопил Гай.

Они вытащили мешок из багажника и уложили на песок. Антону он показался тяжелее, чем был до этого. Как будто старик прибавил в весе.

Гай взялся за края мешка и оттащил его от дороги, оставляя кривую линию на песке. Вернулся, замечая след ногами.

– Все. Поехали отсюда.

– Мы не похороним его?

Гай устало вздохнул.

– Хочешь его зарыть?

Если его не вытащить из полиэтилена, завтра на жаре его разбарабанит так, что мало не покажется. Еще через сутки тело внутри превратится в желе. И вонять тут будет уже по-другому. На запах слетятся и сползутся насекомые. Но плотный пакет не подпустит их к телу – полиэтилен будет разлагаться триста лет, Антон сомневался, что в гетто пользовались био-разлагаемыми мешками.

Да, он хотел его зарыть.

Антон глянул в сторону мешка. Ему показалось, что тот шевельнулся. Всего лишь игра воображения. В сумерках постоянно чудится всякая фигня.

– Думаешь, он заслужил после смерти пулю в висок? – спросил Антон. – Или гнить в мешке на этой долбаной жаре?

Гай пожал плечами и сел в салон.

– Все в твоих руках, – сказал он и захлопнул дверцу. – Чертов моралист!

Антон направился к мешку. Тот лежал недалеко, в десяти шагах – Гай не особо утруждался – оттащил его к углу развалившегося здания и бросил, как какой-нибудь строительный мусор.

«Я открою мешок, а старик будет лежать там с открытыми глазами» – почему-то подумалось Антону. «Будет смотреть на меня»

Детские страхи. Монстры под кроватью. Они живут в каждом из нас и ждут своего часа.

Антон видел много смертей. Ту девчущку, которую порезали в переходе – ее ударили ножом сорок раз, а она еще дышала, когда прибыли наряд со скорой. Она умерла у Антона на руках за минуту до того, как выкатили носилки. Содержимое ее сумки было раскидано по всему переходу – грабители поживились двадцатью баксами и пачкой кредиток. Никто так не заслуживал шанса жить, как она. Но она умерла. А это означает, что никому не суждено воскреснуть из мертвых.

Антон взялся за бегунок молнии и потянул вниз. Глаза старика были закрыты.

«А что ты думал? Что он скажет – бу?»

Антон расстегнул мешок и взял старика подмышки. Кожа была обрюзгшей и теплой, словно он умер двадцать минут назад. Но это было не так – просто в багажнике стояла адская духота.

Он выволок тело из мешка и бережно уложил на песок. Оглянулся – Гай курил, не выходя из салона.

Антон присел на корточки и зачерпнул горсть песка. Высыпал старику на грудь.

– Ты уж прости, – сказал он. И начал бросать песок быстрее. На грудь, на живот, на лицо. Он сыпал и сыпал, но песка не становилось больше. А старик все не исчезал – лежал припорошенный, с раздутым пузом и вялыми сиськами.

Он слишком большой, – подумал Антон. – Я как малыш в песочнице, ползаю на коленях вокруг валуна, пытаюсь зарыть его детской лопаткой.

На улице окончательно стемнело. И Антон уже не видел ни дряблой груди, ни набрякшего лица – он просто кидал песок и не мог остановиться.

Наверняка тут бродят собаки, – думал он, – и если я не зарюю его основательно, они найдут его по запаху. И растащат по кускам.

Он изредка оглядывался на машину – Гай ждал внутри, не проявляя никого интереса. И уж тем более желания помочь.

– Ну, ничего, ничего... – бормотал Антон, стирая пот со лба, – нам это зачтется. Да, старик? Ты замолвишь за нас словечко там... Блин, даже не знаю, как тебя зовут... Почему мы не спросили, как тебя зовут?

Имена, как змеи в норах. Порой их лучше не ворошить. Где-то Антон слышал про это. Или читал в какой-нибудь книжке.

Внутри развалин что-то упало и покатилося по бетонному полу. Антон замер, схватившись за револьвер. Звук был похож на тот, как пустая бутылка катится по полу.

Антон приподнялся с колен, вглядываясь в темноту. Звук прекратился, но теперь Антону казалось, что он слышит шаги. И видит какое-то движение. Чересчур быстрое, размытое, неподдающееся натренированному глазу.

Он вытащил револьвер и взвел курок. Будучи в Голдтауне он бы крикнул о том, что это полиция и лучше бы всем выйти с поднятыми руками. Но в резервации это вряд ли прокатит – он обнаружит себя, и мгновенно получит пулю в лобешник.

– Прощай, старик, – прошептал Антон и попятился к машине. Ему казалось, что из темноты на него кот-то смотрел. Да и сам старик приподнялся на локтях – ссылая с себя песок.

Антон уткнулся спиной в седан и нащупал ручку двери. Юркнул внутрь.

- Твою мать! – воскликнул Гай, увидев сколько песка притащил его напарник.
- Поехали, – сказал Антон, не отрывая взгляда от темных развалин.
- Зарыл? – поинтересовался Гай.
- Да...
- Молодец.

Седан осторожно покотился по дороге. Прочь от мрачных развалин. И от засыпанного песком старика.

– Теперь нужно найти пустырь, – продолжил Гай, – чтобы никакая тварь не смогла к нам подобраться незамеченной.

– Тварь? – переспросил Антон. Он посмотрел на себя в зеркальце – лицо было в грязных разводах.

– Песчаный квартал только кажется пустым.

Антон сунул револьвер в кобуру.

– Показалось, что видел кого-то... в тех развалинах.

Гай кивнул. Такое могло случиться. Даже когда песчаный квартал не был заброшен, тут творилось неладное. Среди детей про эти места ходили страшилки – Гай был уверен, что эти истории жили здесь до сих пор. Отец Гая верил в потусторонний мир, он говорил, что в песчаном квартале есть места, которые принадлежат миру мертвых. *Phaatakon* (врата **хинди**). Как-то Гай побывал в одном из таких. Теперь, по прошествии многих лет все казалось другим, но тогда...

Он достал потертую зажигалку. Красная звезда на ней давно вытерлась, но колесико все еще вышибало искру.

Гай закурил.

– Песчаный квартал стал убежищем для разного рода... сброда, – он выпустил дым из ноздрей. – Тут прячутся те, кого ищут и в Европе и в резервации. Представляешь этих людей?.. Вот там можно приткнуться, – сказал Гай, указывая куда-то в темноту. За окнами было черным черно – Антон не знал, как его напарник смог хоть что-то разглядеть.

Гай чуть вывернул руль и остановился. Выключил фары. Погасил в салоне свет. В темноте Антон услышал, как щелкнула застежка. Его напарник достал револьвер и положил его у лобового стекла.

– Будем дежурить. Выспаться не удастся.

Антон кивнул. Ему подумалось, что в детстве они с Гаем боялись совершенно разных чудовищ. Но он ошибался.

– Твоя жена, наверное, беспокоится за тебя? – спросил он.

– Да, – коротко ответил Гай.

Они помолчали.

– Пожрать бы, – наконец сказал Гай. Он перегнулся через сидущку и долго шарился в темноте. Антон услышал, как зашуршал пакет.

– Чипсы, – пояснил Гай и протянул напарнику. – Угощайся.

Антон сунул руку в пакет. Чипсов было немного, пакет был початым. Они были жирными, посыпанными усилителем вкуса. И пахло из пакета чем-то ядреным. Он сунул пару чипсов в рот.

– Паприка, – прожеывая, сказал Гай. – Завалились с прошлого выезда.

Антон прикинул – прошлый выезд у них был три дня назад.

Он взял еще. Голод не тетка. Могло быть и хуже.

Пальцы стали жирными и пахли молотым перцем.

– Нужно выбираться отсюда, – сказал Гай. Прозвучало это так, как будто он разговаривал сам с собой.

– Да, – согласился Антон. А что еще ему оставалось? Этим вечером его напарник должен был ужинать с женой и детьми, а не жевать трехдневные чипсы в машине, посреди песчаного квартала гетто. Антону было проще. Его никто не ждал. Родители умерли, школьные друзья разъехались по континенту, а шлюхи в пабе постоянно его с кем-то путали. Антону даже подумалось, что единственный близкий человек сейчас находился рядом с ним. Это было глупо, но это было так. Ему захотелось что-нибудь спросить, узнать Гая получше. Здесь и сейчас, пока у них было на это время. Но все, что он смог придумать, это дурацкий вопрос про гетто.

– Почему все это случилось здесь?

– Что?

– Ну... все эти песчаные бури. Весь этот пиздец.

Гай помолчал.

– Люди считают это карой Божьей, – наконец сказал он.

– За что?

– Не знаю. Каждый считает по-своему.

Антон хмыкнул.

– А ты? Что думаешь?

– Что это простое совпадение.

– А тот памятник, который мы проезжали... ну, этот огромный серп с молотом... ты сказал что-то про него. Что ты сказал?

– Я не помню, – отмахнулся Гай. Но Антон знал, что это не так.

– Точно?

– Ты допрос мне устраиваешь, напарник?!

– Нет. Просто, то место... оно показалось плохим. Кажется, что-то там случилось, – ответил Антон. Ему и, правда, так показалось.

– Хочешь знать? – спросил Гай. – Я расскажу.

Он достал из кармана зажигалку. Покрутил в руках. Пощелкал крышкой. Чиркнул колесом, вышиб искру.

– Эта зажигалка... – произнес он. – Она оттуда. *buree jagah* (плохое место. *хунди*). Тот памятник, что ты видел – прошло много лет – раньше там стояло здание. В Республиках такие называли горкомами – что-то сродни нашим мэриям. Когда я был там в последний раз – лет тридцать назад – оно еще стояло. Разрушенное наполовину, но все еще стояло. Теперь его нет... – Гай помолчал. – Там был подвал... думаю, он остался.

Антон подумал, что памятник был чем-то сродни идолу на древнем капище. Его поставили исчезнувшие племена – странные, таинственные обитатели здешних мест. Они поклонялись этим памятникам. Верили, что тотемы их защитят.

– В то лето пропадали дети, – сказал Гай. – Мальчишки.

– Их искали? – спросил Антон.

– В лучшем случае через пару дней. Мальчишки убегали из дома, такое случалось. Беспризорничали, сбивались в стаи... Поэтому гетто было лакомым куском для педофилов. Местом, где они могли насиловать и убивать. И оставаться безнаказанными. Понимаешь? Как лисы в темном курятнике, где копошится выводок глупых цыплят. Песчаный квартал стоял на окраине – мы, жившие за мостом, считали его трущобами, – Гай посмеялся. – Как будто сами жили во дворцах.

Антон понимающе кивнул. Когда не видишь лучшей жизни, начинаешь ценить то, что у тебя есть.

– Как ты оказался там? – поинтересовался он.

– Песчаный квартал был рассадником криминала. Ебаная адская кухня. Если ты сумел побывать там и вернуться обратно, ты становился королем. Сечешь, чем мы занимались в детстве? Бегали в этот сраный квартал, чтобы потом присунуть какой-нибудь малолетней

шалаве... Мне было шестнадцать, когда я побывал в песчаном квартале в первый раз. Представляешь? В шестнадцать я был девственником, потому что боялся сдохнуть на этих ебучих улочках, – Гай махнул рукой в темноту. Достал сигарету. Долго чиркал колесиком зажигалки, а Антон ждал. И думал о том, насколько разные судьбы привели их в одну и ту же машину на задворках гетто. Пути Господни воистину неисповедимы.

Гай закурил и крепко затянулся.

– На следующий день девка по имени Тельма дала мне за углом булочной. Задрала юбку, спустила трусы, – он засмеялся. – А я трахал ее меньше минуты – раз, два – и все. Много ли надо в шестнадцать лет? Но знаешь что? Все это было после того, как мы нашли те ящики. А я нашел эту зажигалку. Тельма была настоящей красоткой, латинкой с сиськами до пупа, и давала не многим. Но мне дала, потому что я заслужил. Все это кажется мусором сейчас. Но все это ниточки одного клубка.

– Что за ящики? – спросил Антон.

Гай чиркнул колесом зажигалки, и пламя осветило его лицо. Он посмотрел на напарника и ответил:

– Гробы. В том подвале. Там была чертова куча детских гробов.

В машине было все еще жарко, но Антон почувствовал бегущий по спине холодок.

– Гробы? – переспросил он. – То есть...

– Да, – сказал Гай. Он погасил пламя. – В гробах лежали дети. Мертвые дети, напарник.

– Господи...

– Странно... но там совсем не было запаха. Он должен был там быть, я знаю... но его не было. Как будто их натирали чем-то. Или как будто... они не были мертвыми.

Антон посмотрел на Гая. Но было темно и он не смог различить ничего, кроме его силуэта, похожего на грубый карандашный набросок.

– Что ты имеешь в виду... не были мертвыми? – наконец поинтересовался Антон. – Они лежали в гробах... живые?

Гай не ответил. Конечно, он думал об этом. Дети, накачанные наркотой, в ящиках для транспортировки. Партия свежих органов – целое состояние на черном рынке. А может быть и вовсе новые секс рабы для Вавилонов. Он думал об этом целую жизнь. Что тогда не помог им. Испугался каких-то детских выдумок – они испугались. И никому не сказали. Так и оставили этих детей там – в подвале горкома.

– Когда мы увидели, что в ящиках, – сказал Гай, – мы испугались. Нас было двое, со мной был еще один – обрезок, Вил Ливни. И он сказал – надо что-то отсюда забрать. Какой-то трофей. Чтобы нам поверили. Там была вода, по щиколотку. И я на что-то наступил. Поша-рил рукой и достал эту зажигалку. И тогда я ему сказал – все, пошли. Погнали отсюда, Вил, к ебаной матери! А он навел свет фонаря на вскрытый гроб и... тот ребенок, что там был. Он открыл глаза. Уцепился рукой за край гроба и мы пересрали. Мы пересрали, напарник. Убежали оттуда, оставив этих детей там. Когда им нужна была помощь...

– Вы никому не сказали?

– Нет. Не хотели, чтобы над нами смеялись. Ожившие мертвецы... блядь, какая чушь!

– Вы были пацанами, – сказал Антон. – Пересрать было не сложно.

– Вряд ли это принесет мне успокоение, – усмехнулся Гай. – Я никому про это не рассказывал, – добавил он уже серьезно.

– Я понимаю, – кивнул Антон. – Все это останется здесь. Между нами.

В темном прокуренном салоне на задворках гетто, – подумалось ему. – Все, что уже успело произойти и что еще произойдет. Все это останется здесь.

– Ладно, – сказал Гай. Он поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. – Постарайся поспать. Я разбужу тебя через три часа.

– Не думаю, что усну...

Гай только хмыкнул в ответ. Твои дела, напарник. У тебя есть три часа, делай с ними что хочешь.

– Тебе никогда не хотелось вернуться туда? – спросил Антон.

– Нет.

Антон закрыл глаза и вздрогнул – его утаскивало в глубины сна. Он увидел темную воду и плавающие в ней деревянные гробы. И там было что-то еще. То, что являлось ему раньше – в белой обжигающей пустоте. Монстр. Чудовище, которых так боялся Гай. С этими жесткими длинными руками, словно свитыми из стальных нитей.

Он открыл глаза.

– Я вряд ли смогу уснуть, – повторил он.

И в следующий миг уже крепко спал.

Ему снилось, что он дома. В Голдтауне. Лежит в кровати и слышит, как на кухне шипит на сковороде сочный стейк на кости. В комнате стоит темнота, но из-под закрытой двери кухни пробивается свет. Антон лежит под скомканной простыней и не может понять, как такое возможно, ведь его мама умерла семь лет назад. Он скидывает простыню и садится, опуская ноги на холодный пол. Сидит, пытаясь увидеть хоть что-то сквозь тонкую шелку под дверью. Но видит только движущуюся на кухне тень. Он тихо встает и подкрадывается к двери, приоткрывает ее, ощущая, как ручка проворачивается в потной ладони. Антон старается ее удержать, но через мгновение ручка выскользывает из пальцев и он вваливается на кухню, залитую ярким светом. Он видит. Это не его мать. Это какая-то тварь в одежде его матери – стоит к нему спиной у плиты и жарит что-то на тефлоновой сковороде. Антон переводит взгляд и видит рядом с плитой раскрытый детский гроб, а в нем изрезанного на куски мальчишку. Рука твари аккуратно накальвает на длинную двузубчатую вилку полоску детской плоти и бросает в сковороду. Руки твари сплетены из стальных жгутов.

– Хочешь попробовать? – не оборачиваясь, спрашивает тварь. – Хочешь кусочек, Антон?

Антон пятится. А тварь продолжает вопрошать

– Хочешь, Антон? А, Антон? Хочешь попробовать кусочек, Антон?

Руки из стальных жгутов бросаются на Антона и впиваются ему в плечо. Поднимают и бросают обратно в комнату.

– Антон? Хочешь кусочек, Антон?! Антон?!

– Антон?!

Гай. Это Гай. Это он, Господи!

Антон дернулся, и напарник отпустил его плечо.

– Проснись, Антон!

Он открыл глаза. Облизал губы – горькие, сухие, и сразу захотелось пить.

Все та же темнота. Внутри и снаружи.

– Ты беспокойно спишь, – сказал Гай. – У тебя проблемы со сном?

– Нет, – прошелестел сухими губами Антон. Взял бутылку воды и сделал несколько глотков. Откашлялся. Сколько он уже не пил антидепрессанты? – Нет. Проблем нет.

– Ну, ладно. Через три часа начнет светать. Мне нужно поспать.

– Да, да, конечно, – Антон протер лицо руками. Как будто бухал всю ночь, – подумалось ему. Когда он возвращался из бара поутру и заваливался спать, просыпаясь, чувствовал то же самое – опустошение и головную боль.

– Ты справишься? – спросил Гай. Пока он дежурил, все было спокойно, но он знал, стоило только заснуть, и можно было уже не проснуться. – Антон?!

– Справлюсь.

Тепло из салона выветрилось, и стало зябко. Антон поежился, окончательно придя в себя.

– Я справлюсь, – повторил он уже уверенней.

– Хорошо, – ответил Гай. – Как только начнет светать – разбуди меня.

– Я разбужу.

Гай поерзал в кресле и затих. Спустя пару минут Антон услышал его мерное дыхание.

– Гай? – позвал он. – Ты спишь?

Он не ответил. Значит спал. А может, притворялся, что спал, не желая ввязываться в очередной катарсис. Антон немного посидел в тишине, размышляя о словах полицейских психологов, которые уверяли, что с человеком можно разговаривать даже во сне. Просить прощения, если тяжело. Рассказывать о том, о чем никогда бы не рассказал, глядя в глаза. Мозголомы – так, кажется, их называл Гай. Говорил – эти хуевы мозголомы вечно тут как тут. Если вдруг тебя заподозрили в чем-то, если вдруг у тебя начались неприятности на службе, будь уверен – они будут ждать тебя в своем узком кабинете, с этими дурацкими рисунками-кляксами.

Может быть, если он скажет Гаю, что ему не за что себя винить, что он все равно бы ничем не помог тем детям... может быть тогда и Антону станет легче?

По крайней мере, разговор не даст мне уснуть, – решил он.

– Гай, я... – начал Антон и замолчал. Прислушался. Ему почудилось, будто на улице что-то звякнуло. Как тот смешной звонок на велосипедном руле мальчугана.

Показалось, – подумал он.

«Дзыбынк!» – снова донеслось из темноты.

Антон замер. Аккуратно вытянул из кобуры револьвер. Взвел курок.

Тьма за окнами была непроглядной, душащей. Если бы в ярде от машины кто-то стоял, Антон не разглядел бы его.

Странное место, – подумалось ему. – И днем и ночью тут одна слепая пустота.

Он аккуратно приоткрыл дверь. Вслушался. Всмотрелся. Ничего. Тихая безлунная ночь – спокойная, как море.

И вдруг – снова этот «дзынк». Где-то там, в темноте.

Нужно было взять фонарь и сходить посмотреть. Пара минут. Что может произойти за пару минут, если не случилось за три часа?

Антон поглядел на напарника.

– Гай? – позвал он тихо. – Ты спишь или нет?

Гай спал. Посапывал, склонив голову к боковому стеклу. Антон сам так спал в детстве, когда отец отвозил его обратно к матери. Иногда они проводили вместе выходные – играли в приставку или гоняли мяч на заднем дворе. Родители развелись, когда Антону было десять.

– Я быстро, – шепнул он спящему напарнику, вытащил из бардачка фонарик и вышел в ночь. Прикрыл за собой дверь. Огляделся. Щелкнул фонарем и полоснул светом по темным развалинам впереди. Гай приткнул седан у обочины – по левую руку расстилалась песчаная пустошь, по правую – низина с развалинами каких-то барачков, похожих на склады.

Антон осветил туда еще раз. И кружок света за что-то зацепился там, в темноте. Что-то лежало у самых развалин – то, что было чуждым этому увядшему, разоренному месту. Антон пригляделся, и ему показалось, будто он увидел тонкое погнутое колесо, задранное верх. И педаль. Ему померещилось, что эта педаль все еще вращалась. Но расстояние было слишком большим, а ночь слишком темной. Он не мог сказать наверняка, что видел. Это мог быть велосипед, а могла быть и куча хлама вперемешку с разыгравшейся фантазией.

Нужно разбудить Гаю, – подумал он. А сам осторожно зашагал к краю дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.